

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ

Ванеев А. Н.

ВЗГЛЯДЫ НА БИБЛИОТЕЧНУЮ ПРОФЕССИЮ В КОНЦЕ XVII — НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Ю. В. Григорьев в очерках «История русского библиотековедения» утверждал, что профессия библиотекаря складывается в XVIII веке [1, с. 122].

Однако уже в средние века были монахи-книгохранители, для которых работа в монастырской библиотеке была основным занятием и регламентировалась. Монастырский устав XI века предписывал иметь при монастыре библиотеку и книгохранителя, который обязан не только обеспечивать сохранность

книг, но и выдавать их монахам для чтения. И если первые монастырские книгохранители выполняли и другие работы, то уже к XVI веку появляются монахи, которые выполняли только обязанности библиотекаря.

«Наставление монастырскому библиотекарю» (XVII в.) предусматривает уже и организацию обязательного чтения. «Наставление» предписывает монастырскому библиотекарю воспитывать культуру чтения, учить бережному отношению к книге, помо-

гать в усвоении прочитанного. В тех случаях, когда он не мог сам объяснить смысл прочитанного, наставление рекомендовало ему обращаться к более знающему, «мудрейшим» монахам [2]. И хотя в монастырском уставе и «Наставлении» ничего не говорилось о требованиях к личности библиотекаря, очевидно, что выполнять подобные обязанности мог только образованный монах.

Требования к образованности библиотекаря мы находим у Феофана Прокоповича, который считал, что эту должность должны занимать «люди ученейшие», ученость которых должна быть основана на «первоначальных источниках» [3]. В школьных библиотеках Ф. Прокопович библиотечную должность возлагал на учителя. Учитель, выполняющий эти обязанности, должен был в определенные часы открывать библиотеку, беседовать с учащимися о прочитанном и объяснять им непонятое [4, с. 49].

Сходные мысли мы находим у И. Т. Посошкова. Он также требовал, чтобы учитель вел беседы о прочитанном, «толковал» непонятое и вел в «памятной книге» записи о чтении учеников [4, с. 62].

Эту мысль развивал и А. Ф. Бестужев, который полагал, что школьный библиотекарь должен быть руководителем, человеком истинно просвещенным, честным, «к общему благу и спокойствию устремленным». Он должен внушать детям охоту к чтению, изучать и удовлетворять различные вкусы учащихся, не принуждать их к чтению только определенных книг [4, с. 433—434].

Но наиболее яркое выражение прогрессивные взгляды на профессию библиотекаря нашли в трудах В. Н. Татищева. Им дано определение понятия «библиотекарий», которое интересно прежде всего тем, что в нем впервые были сформулированы, исходя из просветительных задач, требования к библиотекарю, во многом опередившие время.

В. Н. Татищев подчеркивал, что библиотекарь должен «помощником к приобретению полезного знания себя показывать и способы подавать». Поэтому он должен быть высокообразованным («всяких наук и разных языков... наученный»), начитанным человеком («прилежный читатель»), который должен «всякой книги качество знать». В. Н. Татищев стремился определить и личные качества библиотекаря: твердая память, острота суждений, учтивость и ласковость к читателям [5].

Таким образом, расширяются взгляды на профессию библиотекаря, на его обязанности, появляются требования к личным качествам. Профессия получает общественное звучание — она направлена «к общему благу».

В начале XIX века о требованиях к биб-

лиотекарю говорилось в документах, регламентирующих деятельность библиотек, о них писали А. Н. Оленин, И. А. Крылов, М. И. Антоновский и др. Большое место уделено этому вопросу в своем «Предъуведомлении» к «Опыту Российской библиографии» В. С. Сопиков [6].

В. С. Сопиков разделял профессии библиотекаря и библиографа, что было новым для отечественного библиотечного дела. При этом он полагал, что деятельность библиотекаря является более сложной. Он указывал, что все сказанное о библиографе относится полностью и к библиотекарю, и в то же время перечислял те дополнительные знания, умения и качества, которыми должен обладать библиотекарь.

Если попытаться систематизировать все эти высказывания о профессии библиотекаря, то следует отметить, что единодушным было представление, наиболее четко сформулированное А. Н. Олениным, что библиотечная профессия, по своему существу, требует особых познаний и способностей [7, с. 11]. Библиотекарь прежде всего как широко образованный человек, должность которого, как писал В. С. Сопиков, «столь же важна, сколько познания его должны быть обширны». Библиотекарь, по мнению М. И. Антоновского, должен иметь энциклопедическое, хотя и поверхностное, но правильное представление о всех науках, искусствах и ремеслах [8].

А. Н. Оленин не только постулировал необходимость библиотекарю иметь «общие сведения», если не во всех, то во многих областях знания, но и разъяснял, для чего такие знания необходимы. Так как зачастую заглавия книг не соответствуют их содержанию, библиотекарь обязан прочитать само сочинение, чтобы определить, к какой отрасли знания оно относится. Решение таких вопросов предполагает у библиотекаря «достаточные энциклопедические сведения» о всех отраслях человеческих познаний [9, с. 148].

В. С. Сопиков называл круг наук, знание которых необходимо библиотекарю: логика, критика, философия, география, хронология, история, палеография и дипломатика. Как видим, это преимущественно гуманитарные дисциплины.

В то же время не только не отрицалась, но подчеркивалась необходимость специализации библиотечарей, глубоких теоретических знаний в определенных классах наук. Так, еще в 1797 г. М. И. Антоновский, составляя проект «Начертания Российско-Императорской открытой библиотеки», для каждого из классов или разрядов наук и искусств предлагал иметь «искусного профессора», а помощника-

ми к нему — адъюнктов, «равно искусных» в науках, художествах и языках.

В этом предложении приглашать на работу в библиотеки профессоров можно усмотреть стремление обеспечить высокий престиж профессии библиотекаря. Видимо, не случайно, что и В. С. Сопиков, говоря о профессии библиотекаря, специально подчеркивал, что в средние века обязанности библиотекаря возлагались на людей, «отличных своими знаниями», что акты первых королей Карлова поколения подписывались их библиотекарями, которые одновременно были их канцлерами и духовниками.

Уточняя требования к общеобразовательным знаниям библиотекарей и их специализации, А. Н. Оленин пояснял, что библиотекарь должен иметь по крайней мере «историческое познание тех наук, художеств и искусств, до коих относятся книги его отделения» [10, с. 16].

Другим важным требованием к библиотекарю было обязательное знание русского и, как правило, нескольких иностранных языков. А. Н. Оленин считал, что библиотекарь должен обязательно иметь основательные познания в отечественном и иностранных языках, особенно в латинском и греческом [7, с. 11]. М. И. Антоновский полагал, что библиотекарь должен знать до шести «мертвых» и европейских языков.

И если знание иностранных языков объяснялось работой с литературой на этих языках, то в требовании знать русский язык звучали и патристические ноты. Так, М. И. Антоновский, излагая требования к директору библиотеки и главному библиотекарю, подчеркивал, что на этой должности должен быть непременно «природный россиянин», «усердный ревнитель о славе и истинной пользе своего Отечества».

Предъявлялись к библиотекарю и другие требования. Так, М. И. Антоновский считал, что во главе библиотеки может стоять лишь человек «знатного достоинства и чину». «Начертание подробных правил для управления Императорскою публичною библиотекою» требовало, чтобы назначаемые библиотекари были известны «по их добропорядочному поведению» [11, с. 23].

В этой группе требований особое место занимают слова В. С. Сопикова, что библиотекарю необходимо быть «совершенно чужду всех предрассудков: философических, богословских, политических, исторических и прочих».

П. Н. Берков рассматривал это требование лишь как требование максимальной объективности [12]. А. Д. Эйхенгольц видел в нем

призыв к распространению передовой литературы [13, с. 67].

Учитывая прогрессивные общественно-политические взгляды В. С. Сопикова, его близость к группе писателей-радищевцев, закономерно предположить, что точка зрения А. Д. Эйхенгольца более адекватно характеризует идеологическую позицию В. С. Сопикова, его стремление вовлечь библиотекаря в борьбу с политическими, философскими, религиозными и другими предрассудками.

На библиотечно-библиографические взгляды В. С. Сопикова оказали непосредственное влияние взгляды русского просветителя Н. И. Новикова о роли книгоиздания и книготорговли в общественном прогрессе.

А. Д. Эйхенгольц, анализируя «Предъупреждение» В. С. Сопикова, обращал внимание на то, что его первые страницы в значительной мере близки к тексту двухтомного «Толкового словаря по библиологии» Э. Г. Пеньо (Париж, 1802—1804), который также начинается с «предварительного рассуждения». Э. Г. Пеньо стоял на позициях объективизма и подчеркивал, что библиотекарь должен быть свободен «от всякого рода предрассудков — религиозных и политических. Он не является... жрецом какого-либо культа, главой или слугой какой-либо секты, последователем какого-либо кружка, иступленным сторонником какой-либо системы» [13, с. 48].

В эту мысль Э. Г. Пеньо В. С. Сопиков внес существенную поправку. Он подчеркивал, что «любопытное юношество, жаждущее всякого рода познаний», должно иметь в лице библиотекаря «надежного и просвещенного руководителя», называя эту сторону деятельности библиотекаря его «священнейшею» обязанностью. Таким образом, В. С. Сопиков требует от библиотекаря максимальной объективности и поручает ему социально-педагогическую обязанность руководить чтением.

Многие авторы подчеркивали, что одной из главных обязанностей библиотекаря является оказание помощи читателям. Так, А. Н. Оленин требовал от библиотекарей, чтобы они были готовы «сопровождать искателей просвещения кратчайшим путем к знакомым им здесь обильнейшим источникам просвещения» [7, с. 52]. «Начертание подробных правил для управления Императорскою публичною библиотекою», им составленное, вменяло библиотекарю как одну из главных обязанностей оказание читателям «без разбора лиц» всевозможных «услуг» в отыскании сочинений, нужных для занятий [11, с. 26], т. е. деятельность, которую мы сегодня называем справочно-библиографическим обслуживанием.

Аналогичные требования мы встречаем и в

других документах рассматриваемого периода. Так, в «Начертании Российской Императорской открытой библиотеки» предусматривалось, что библиотекари помимо выдачи книг должны «объясняться с читателями... для наставления». И. А. Крылов критиковал в 1818 г. сложившуюся в Публичной библиотеке практику, когда читатели сами записывали требования в специальную тетрадь, не обращаясь к библиотекарю. И. А. Крылов отмечал, что в результате библиотекари лишены возможности «пособить» читателям [14, с. 1].

В. Г. Анастасевич, исходя из того, что в числе читателей люди «разных состояний и наций, разного пола и возраста», отмечал, что среди них есть и такие, которые не владеют, как бы мы сегодня сказали, библиотечно-библиографической грамотностью, а отыскивают нужные им сочинения «по слуху или по найденной в какой-либо книге цитации — поверхностной и, может быть, ошибочной». Такие читатели обращаются за помощью к библиотекарю и последний не должен им отказывать [15].

А. Н. Оленин считал необходимым, чтобы библиотекарь отвечал на вопросы посетителей библиотеки, вызванные отсутствием каталогов, и отыскивал для читателей сведения о запрашиваемом сочинении. Более того, библиотекари должны «удовлетворять требованию посетителей прискиванием в книгах нужных им сведений» [16, с. 31], т. е. осуществлять деятельность, которую можно характеризовать как фактографическое обслуживание.

А. Н. Оленин не ограничивал обязанности библиотекаря обслуживанием читателей. Им ставилась политическая задача руководства чтением в целях «истинного» просвещения. Он отмечал, что обязанность библиотекарей состоит в том, чтобы всеми силами и способами направлять юношество «на истинный сей путь», т. е. на путь приобретения «истинного просвещения и познаний» [9, с. 90].

Исходя из поставленной задачи — направлять читателей на «истинный путь» — А. Н. Оленин считал обязанностью библиотекарей «удалять от оного все, что служит к развращению нравов, а чему способствовать могут многие романы, а также сказки, повести и прочие книги, тому подобные» [6, с. 90].

Осуществление функций оказания помощи читателям и руководства чтением, естественно, предъявляло определенные требования не только к образованности библиотекаря, но и к специальным знаниям, прежде всего к знанию книги. Так, В. С. Сопиков уделял особое внимание характеристике круга познаний библиотекаря во всем, что относится к

искусству книгопечатания. Он указывал, что библиотекарь-библиограф должен знать историю книгопечатания, «славных» типографшиков и издателей; полиграфическое производство; «искусства, принадлежащие к типографии» (рисование, книжная живопись, гравирование).

А. Н. Оленин считал, что библиотекарь должен обладать «библиографическими сведениями», т. е. быть знаком с «известнейшими в ученом свете» книгами «по части наук, словесности и искусств», знать главное содержание книг, быть «живым каталогом» своего отделения библиотеки [7, с. 11].

В. С. Сопиков также отмечал, что библиотекаря «главное управление» состоит в знании книг вообще, что он должен быть истинным «охотником» книги, чтобы читатели находили в нем «живую библиотеку». В этих целях библиотекарь должен посещать книгохранилища, читать сочинения, «доставляющие сведения о книгах», подробно знакомиться с каталогами общественных и частных библиотек. Особое внимание В. С. Сопиков уделял необходимости обстоятельных сведений о редких книгах, причем библиотекарю надо знать эти книги не только по названиям, но и по содержанию. Такие знания помогут «руководствовать приходящих» в библиотеку в их занятиях.

«Начертание подробных правил для управления Императорскою публичною библиотекою» требовало от библиотекарей знаний о библиографии, а В. С. Сопиков из специальных библиотечно-библиографических знаний выделял владение методикой описания произведений печати. Он подчеркивал, что поскольку краткость нашей жизни не позволяет достичь совершенства во всех знаниях, касающихся библиотечного дела и библиографии, то библиотекарь-библиограф должен постоянно обращаться к трудам ученых библиографов, библиотекарей и любителей книги, т. е. повышать свою квалификацию.

Подчеркивались требования к личным качествам библиотекаря: природные дарования, остроумие, память [8, с. 173], «отличная к сему служению охота и твердые правила честности и бескорыстия» [11, с. 23]. От библиотекарей требовали «учтливового и ласкового» обслуживания читателей [11, с. 26].

А. Н. Оленин считал, что одним из важнейших условий функционирования библиотеки является заполнение библиотечных должностей «людьми достойными и к сим занятиям способными», которых «собственная охота» и знания привлекали бы к «усердному отправлению трудной библиотечарской должности» [17, с. 62].

И. А. Крылов подчеркивал, что библиотекарь обязан выполнять все требования чита-

телей, как бы малозначащи они ни были, и не может отказывать в выдаче книг «по нерадивости или по недостатку памяти» [14, с. 6].

Интересно, что в «Начертании подробных правил для управления Императорскою публичною библиотекою» подчеркивалось и такое качество библиотекаря, как активность в управлении делами библиотеки. Правила предлагали обращаться к директору с «донесениями» обо всем, что «к лучшему уставу библиотеки относиться может» [11, с. 27].

Таким образом, в первой половине XIX века складывается довольно четкое представление о библиотечной профессии: энциклопедическое, преимущественно гуманитарное, образование; знание иностранных языков, знание книги и библиографии. Библиотекарь призван помогать в выборе книг, руководить чтением, внимательно относиться к запросам читателей. Однако следует отметить, что профессиональным знаниям библиотекаря уделялось недостаточное внимание.

В XIX веке профессия библиотекаря была престижной, для занятия которой требовался прежде всего высокий уровень образованности. Не случайно Н. Г. Чернышевский писал, что единственным местом, которое он занимал бы с удовольствием и о котором был бы готов просить — «профессора в университете или библиотекаря в Публичной библиотеке» [18]. Ректор и библиотекарь Казанского университета Н. И. Лобачевский считал, что «условия и требования библиотечарского порядка так важны и многосложны, что исполнение оных может быть лишь делом людей не только ученых, но и обречших себя на оное» [19, с. 123].

Однако по мере расширения сети библиотек, особенно библиотек публичных и народных, складывается убеждение, что одной образованности для выполнения сложных обязанностей библиотекаря мало. Во второй половине XIX века взгляды на профессию библиотекаря высказывают представители как революционно-демократического (А. А. Красовский, С. И. Селивановский), так и либерального направления (В. И. Соболевский, В. Ф. Одоевский, А. Ф. Бычков и др.).

Подчеркивается, что сотрудники библиотеки должны быть высокообразованными и владеть иностранными языками. Однако образованность понимается уже как требование знаний по библиографии, истории и современного состояния «всех наук и всех литератур», т. е. библиотекарь должен быть библиографом «в самом обширном смысле этого слова» [20].

В. И. Соболевский требовал от библиотекарей не только «навыка руководить мало-сведущих посетителей», но и оказывать более

серьезную помощь читателям, для чего нужно, во-первых, умение обращаться с читателями, и, во-вторых, обширные сведения о литературе [21, с. 99]. Поэтому библиотекарь необходима «огромная начитанность». Он должен постоянно знакомиться с новой литературой и прежде всего с журналами и газетами [10] и иметь хотя бы общее понятие «о содержании и направлении каждого сочинения, поступающего в чтение» [22].

Вместе с тем подчеркивалось, что библиотекарь должен обладать обширными специальными знаниями. Например, А. В. Виктор полагал, что библиотекарь должен иметь «ясные понятия о библиотечной науке и различных библиотечных и библиографических системах». По его мнению, характер обязанностей библиотекарей требует от них такого же уровня специальных научных знаний, которые обуславливаются званием и обязанностями профессора [20].

В. И. Соболевский отмечал, что профессия библиотекаря дифференцируется на должности библиотекаря, каталогизатора и хранителя. Для выполнения этих обязанностей сотрудники библиотеки должны обладать специальными знаниями. Так, библиотекари должны уметь изучать читательский спрос, заказывать необходимую библиотеке литературу, знать состав фондов, оказывать помощь читателям. Выполнение этих обязанностей требует специальных знаний, поэтому «не каждый из нас может быть и библиотекарем в том смысле, какой я придаю этому званию» [21, с. 96].

Петрашевец С. И. Селивановский отмечал, что библиотекарь должен при основательных и обширных познаниях в языках и науках, особенно словесных и исторических, обладать и научными знаниями в области организации библиотек и управления ими [1, с. 170—171].

В эти годы звучат предупреждения против сведения профессиональных знаний и навыков только к техническим. Тот же С. И. Селивановский отмечал, что знания необходимы для того, чтобы библиотеки не были «бездушными хранилищами», а содействовали распространению просвещения [1, с. 170—171].

В 1865 г. были опубликованы «Материалы для нового устава Императорской публичной библиотеки и Московского публичного музея». Среди этих материалов напечатана статья А. Ф. Бычкова «О значении звания библиотекаря». Характеризуя высокие требования к общеобразовательной и специальной подготовке библиотекарей, автор указывал, что эти обширные знания требуются библиотекарю не для того, чтобы блистать перед читателями, а для того, чтобы успешно выполнять библиографические работы, пополнять

литературой библиотеку, давать посетителям библиотеки полезные советы и указания [23].

А «Литературная газета» писала, что библиотекарь должен быть «способником» ученому и советником студенту. Но именно такой библиотекарь — «истинное сокровище и великая редкость» [10, с. 13]. Об этом же писал и революционный демократ А. А. Красовский, который считал, что библиотекарь не должен выполнять свои обязанности «машинально», лишь как «посредствующее орудие между посетителями и книгами». Он должен изучать читателя «с энергией и теплотой в душе», знать «степень и особенности каждого из них». Рекомендовать читателям литературу для чтения — это не формальная, а «нравственная обязанность библиотекаря, гарантированная в нем степенью его собственного развития» [22]. Он ставил задачу научить читателя мыслить и действовать так, как мыслят люди, «делящиеся с нами посредством книг своими светлыми убеждениями» [24, с. 53].

В замечаниях на проект устава библиотеки (1862 г.) группа сотрудников Публичной библиотеки отмечала, что работа библиотекаря требует от лиц, ее выполняющих, не одного «любезного обращения», но и энциклопедических знаний. Библиотекари должны стремиться предоставлять читателям всевозможные удобства в пользовании библиотекой, в случае надобности руководить выбором книг, для чего самим библиотекарям надо знакомиться с этими книгами [10, с. 34].

Важными для библиотечной профессии считались и личные качества библиотекаря. Некоторые авторы считали их даже важнее специальных познаний в библиотечном деле [25, с. 7]. Обращает на себя внимание убеждение, что «название по достоинству» может носить лишь библиотекарь, «одушевленный неутомимым прилежанием и строжайшим наблюдением порядка» [1, с. 170—171].

Среди личных качеств назывались любовь к порядку, прилежание, «гуманный характер», призвание к библиотечной работе, обходительность, вежливость, тактичность, предупредительность, любовь к книгам, хорошая память [25, с. 7].

Таким образом, к концу XIX века складывается более четкое представление о требованиях к знаниям библиотекаря: образованность, знание книги и библиографии, начитанность, владение иностранными языками. Он должен владеть навыками общения с читателями, изучения их интересов, руководства чтением и справочно-библиографического обслуживания; владеть библиотечной технологией, методами организации библиотеки и управления ею. Из личных качеств библиоте-

каря особенно подчеркивалась любовь к книге, внимательное, «любезное» отношение к читателям, добросовестность, прилежание, ответственность, призвание к библиотечной работе.

Разработка проблем библиотечной профессии продолжалась в начале XX века. Особенность этого периода заключалась в том, что происходит профессиональная консолидация библиотекарей: организуется Общество библиотекосведения, проходит Первый библиотечный съезд, начинает издаваться журнал «Библиотекарь».

Интересные материалы по проблеме мы находим в трудах Н. А. Рубакина, Л. Б. Хавкиной, К. И. Рубинского, К. Н. Дерунова, В. А. Невского, В. В. Стасова, А. И. Браудо и других крупных теоретиков и практиков отечественного библиотечного дела. Они опирались на высказывания предшественников, изучали и анализировали их взгляды и на этой базе углубляли представления о библиотечной профессии.

Библиотековеды подчеркивали, что одним из главных компонентов библиотеки является библиотекарь. Эту мысль хорошо выразил К. Н. Дерунов: «Библиотека прежде всего библиотекарем держится, из-за него же и падает» [26, с. 161], а В. В. Стасов писал, что «хороший, знающий библиотекарь — верный помощник всякого серьезного исследователя и просто даже серьезно занимающегося человека. Он часто приносит исследователю больше пользы, чем лучшие каталоги» [27, с. 44].

Поэтому для работы в библиотеке необходимы специальные знания, совокупность которых называется библиотекосведением. И следовательно, далеко не каждое лицо, даже литературно образованное, может исполнять обязанности библиотекаря без особой подготовки и продолжительной практики [25, с. 7]. Н. А. Рубакин подчеркивал, что если библиотекарь не хочет быть просто «машинкой» для выдачи книг, то он должен стремиться к тому, чтобы относиться «к своему большому, дорогому делу сознательно, стремясь проникнуть в самые основы его» [28, с. 108].

Поэтому, как отмечал К. И. Рубинский, одной из главных задач библиотекосведения является самое серьезное изучение персонала библиотеки и профессии библиотекаря [29]. По его мнению, библиотекарь должен обладать не меньшими знаниями и опытом, чем педагог; иметь не только общее образование, не только педагогическую подготовку, не только знание литературы, — «что нужно читать, что полезно читателю и что будет для читателя потраченным трудом», — но и обладать полным знанием науки, изучающей библиоте-

каря. Библиотекарь должен быть убежден в высокоом назначении библиотеки и стремиться к постоянному приобретению знаний по специальности.

Л. Б. Хавкина подчеркивала, что библиотекарь должен знать свою библиотеку, уметь найти по каждому запросу читателя литературу, дать справку, ответ, помочь читателю [30, с. 146]. Ратуя за профессиональную подготовку библиотекарей, она считала, что в библиотеках нужны сведущие, подготовленные библиотекари [30, с. 284].

Что касается требований к общеобразовательной подготовке библиотекарей, то в них включали как формальные (диплом об окончании высшего учебного заведения), так и требование эрудиции, причем, как отмечала Е. В. Балобанова, не только в области библиографической, но и в других отраслях человеческого знания [31, с. 27]. Однако обладание знаниями — не самоцель. Библиотекарь должен «делиться ими с каждым, кто обращается к нему за сведениями» [31, с. 31]. Подчеркивая необходимость для библиотекаря знаний о книгах, Н. А. Рубакин отмечал, что речь идет, разумеется, о минимуме таких знаний, необходимых для руководства чтением. Руководство чтением он рассматривал как одну из важнейших обязанностей библиотекаря, как форму воздействия библиотекаря на круг чтения читателя [28, с. 145]. Библиотекарь должен, как писал А. И. Браудо, быть советчиком и руководителем читателя [10, с. 40].

К. И. Рубинский в докладе на Первом Всероссийском съезде по библиотечному делу отмечал, что библиотекарь не только облегчает труд ученого, помогая ему познакомиться с тем, что уже сделано в науке его предшественниками, но продолжает работу педагога, помогая людям, стремящимся к образованию, приобретать знания [32, с. 2].

Задачу руководить чтением массового читателя ставил перед библиотекарями В. Д. Бонч-Бруевич [33, с. 497]. К. И. Дерунов считал, что необходимо создать систему «руководительства чтением» и в этой системе на первом плане должна стоять «постоянная, умелая, любовная, живая помощь библиотекаря» [26, с. 161], в руках которого находится возможность «формировать, исправлять и направлять вкус и интерес к хорошей книге» [34, с. 105].

Для того, чтобы успешно решать задачу руководства чтением, необходимо знать читателей. Н. А. Рубакин требовал от библиотекаря «изучать читающую публику, присматриваться к жизни этой самой публики, ее нуждам, интересам, потребностям и стремлениям» [35, с. 7], т. е. речь шла об активной жизненной позиции библиотекаря.

В. А. Невский говорил не только о гражданской позиции библиотекаря, но и о том, что ни один библиотечный работник, — «как гражданин своего времени», — не может и не должен быть пассивным в деле комплектования своей библиотеки: «Мало удовлетворить уже существующие запросы на книги, надо вызвать их; недостаточно ждать прихода читателя, надо идти навстречу ему, надо искать читателя, активно проводить хорошую книгу в жизнь» [36, с. 466, 469].

В то же время появились мнения, предупреждавшие, что руководство чтением не должно идти в ущерб самодеятельности и самостоятельности читателя [37, с. 22].

Библиотековеды начала XX века повторяют сложившиеся представления о личных качествах библиотекаря. Среди них наиболее часто повторяются добросовестность, прилежание, хорошая память, аккуратность, любовь к своему делу [31, с. 28]. Интересные мысли о личности библиотекаря мы находим у Н. А. Рубакина, который отмечал, что библиотекарь — это «живая мыслящая личность». Он должен быть психологом, умеющим «понять, оценить, удовлетворить как читателя, всякого... посетителя библиотеки» [38, с. 282].

В. В. Стасов особо выделял такое качество библиотекаря, как радушный прием посетителей библиотеки, «всегдашняя готовность» помогать читателям. Девизом библиотекарей должно быть: «Не публика для нас, а мы для публики» [39, с. 42—43].

Новым в изучении библиотечной профессии были попытки связать личные и профессиональные качества библиотекарей, показать их взаимозависимость. Е. В. Балобанова подчеркивала, что из библиотекаря только в том случае выработается хороший специалист, если он не будет считать свою работу «неизбежным злом или временным занятием», так как только в этом случае он будет интересоваться «всем строем библиотеки», т. е. станет настоящим профессионалом [31, с. 28].

Новым было также то, что в эти годы впервые стали рассматривать такое требование к библиотекарю, как здоровье. Е. В. Балобанова подчеркивала, что библиотекарь должен обладать физическим здоровьем, которое не мешало бы ему «проводить время в духоте, стоять по несколько часов... влезать по лестницам... и не затрудняться количеством переходов из одного этажа в другой». Он не должен быть близоруким и бояться пыли. Поэтому библиотекарь должен быть молодым, но, к сожалению, «молодость и опыт — два понятия несовместимые, а библиотекарь без опыта тоже явление невозможное» [31, с. 28].

Таким образом, в дореволюционном библио-

тековедении сложилось убеждение, что изучение библиотечной профессии является одной из основных задач библиотековедения.

Высказывания библиотекведов позволяют представить профессиональный облик «идеального библиотекаря», обладающего высоким образовательным уровнем, глубокими педагогическими и психологическими знаниями и навыками, обширными специальными знаниями в области библиотековедения и библиографии. «Идеального библиотекаря» характеризует любовь к книге и библиотечному делу, начитанность, высокие нравственные качества, активная жизненная позиция.

Однако это представление было весьма далеко от реальности, от действительного профессионального уровня библиотечных кадров.

В. Пинчук писал в 1910 г., что библиотеке нужны «люди сведущие, с педагогическими способностями, с любовью к книге и к тому, кто ищет в ней знания. Но таких лиц нет» [40]. Отсутствие в России профессиональной подготовки библиотечных кадров приводило к тому, что среди библиотекарей преобладали случайные люди.

Несмотря на это, система взглядов дореволюционных библиотекведов на библиотечную профессию, сложившаяся на протяжении веков, представляет несомненную ценность для научной разработки проблем библиотечной профессионалогии и, в частности, для рассмотрения вопроса о том, насколько сложившийся в дореволюционном библиотековедении идеальный облик библиотекаря соответствует реальному облику библиотекаря наших дней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Григорьев Ю. В. История русского библиотековедения (1700—1860 годы) // Столяров Ю. Н. Ю. В. Григорьев (1899—1973).— М.: Кн. палата.— 1989.— С. 69—208.
2. Наставление монастырскому библиотекарю // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете.— 1896.— Кн. 1.— Ч. 4.— С. 17—18.
3. Чистович И. Феофан Прокопович и его время.— Спб., 1886.— С. 621.
4. Антология педагогической мысли России XVIII в.— М.: Педагогика, 1985.— 479 с.
5. Татищев В. Н. Избранные сочинения.— М.: Книга, 1979.— С. 189.
6. Сопиков В. С. Предъупреждение к Опыт русской библиографии.— Спб., 1912.— 29 с.
7. Голубева О. Д. Хранители мудрости.— М.: Кн. палата, 1988.— 272 с.
8. Записки Михаила Ивановича Антоновского // Русский архив.— 1885.— № 2.— С. 145—178.
9. Императорская публичная библиотека за сто лет (1814—1914 гг.).— Спб., 1914.— 481 с.
10. Хотьков Я. И. Справочно-библиографическая работа Публичной библиотеки в Петербурге в 1814—1917 гг. // Труды/Гос. публ. б-ка им. Салтыкова-Щедрина.— 1958.— Т. 7.— 117 с.
11. Акты, относящиеся до нового образования императорской библиотеки.— Спб., 1812.— 43 с.
12. Берков П. Н. Идеологическая позиция В. С. Сопикова в «Опыте российской библиографии» // Сов. библиография.— 1933.— № 1—3.— С. 139—155.
13. Эйхенгольц А. Д. В. С. Сопиков— основоположник русской библиографии // Сов. библиография.— 1949.— № 1.— С. 58—74.
14. Крылов И. А. Записка о каталогизации книг Императорской публичной библиотеки // Известия 2-го отделения Российской Академии наук.— 1918.— Т. 23.— Кн. 2.— С. 1—8.
15. Анастасевич В. Г. Ответы на вопросы Императорской публичной библиотеки, предложенные 18 мая 1818 г. под № 73 // Труды / Гос. публ. б-ка им. Салтыкова-Щедрина.— 1957.— Т. 3.— С. 254.
16. Отчет в управлении Императорскою публичною библиотекою за 1814 г.— Спб., 1815.— 62 с.
17. Сухомлинов М. Библиограф В. С. Сопиков // Древняя и новая Россия.— 1876.— № 1.— С. 61—68.
18. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. в 15-ти т.— М.: Политиздат, 1949.— Т. 14.— С. 277.
19. Парамонова Н. В. Н. И. Лобачевский и библиотека Казанского университета // Книга и библиотеки в России в XIV—первой половине XIX в. / БАН СССР.— Л., 1982.— С. 114—128.
20. Немировский Е. Библиотекарь и библиограф А. Е. Викторов // Библиотекарь.— 1983.— № 4.— С. 47—50.
21. Голубева О. Д., Гольдберг А. Л. В. И. Соболевский. В. Ф. Одоевский.— М.: Книга, 1983.— 232 с.
22. Красовский А. А. Размышления, внушенные Листком Вятской публичной библиотеки // Вятские губернские ведомости.— 1863.— 26 янв.
23. О значении звания библиотекаря // Журнал М-ва нар. просвещения.— 1865.— Ч. 125.— Отд. 4.— С. 75—76.
24. Каталог библиотеки для чтения А. А. Красовского в Вятке.— Спб., 1859.— С. 53.
25. Томачинский В. Начала библиотековедения.— М., 1895.— 18 с.
26. Дерунов К. И. Избранное.— М.: Книга, 1972.— 237 с.
27. Стефанович В. И. В. В. Стасов (1824—1906): очерк библиотечной деятельности.— М.: Кн. палата, 1956.— 132 с.
28. Рубакин Н. А. Избранное в 2-х т.— М.: Книга, 1975.— Т. 1.— 224 с.
29. Рубинский К. И. Культурная роль библиотеки и задачи библиотековедения // Библиотекарь.— 1981.— № 2.— С. 62—64.
30. Хавкина Л. Б. Библиотеки, их организация и техника: руководство по библиотековедению.— 2-е изд., перераб. и значит. доп.— Спб., 1911.— 404 с.
31. Балобанова Е. В. Библиотечное дело.— 2-е изд.— Спб., 1902.— 39 с.
32. Труды Первого Всероссийского съезда по библиотечному делу.— Спб., 1912.— Ч. 2.— 440 с.
33. Бонч-Бруевич В. Д. Избранные соч. в 3-х т.— М.: Политиздат, 1961.— Т. 2.— С. 497.
34. Кирпичева И. К. К. Н. Дерунов (1886—1929): очерк жизни и деятельности.— М.: Кн. палата, 1963.— 124 с.
35. Рубакин Н. А. Основные задачи библиотечного дела.— Спб., 1907.— С. 7.
36. Невский В. А. Библиотечная работа (как оживить деятельность народных библиотек?) // Библиотекарь.— 1914.— № 4.— С. 450—474.
37. Плотников А. Е. Народные и общественные

библиотеки по данным анкеты Общества библиотек-
ведения // Библиотекарь.— 1910.— № 1.— С. 22.

38. Рубакин Н. А. Письмо к Л. Б. Хавкиной от
26 мая 1913 г. // Труды Ленингр. гос. библ. ин-та.—
1961.— Т. 8.— С. 282.

39. Корф М. Десятилетие Императорской публичной
библиотеки (1849—1859).— Спб., 1859.— С. 42—43.

40. Пинчук В. Гордость России — Императорская
публичная библиотека // Санкт-Петербургские ведомо-
сти.— 1910.— 26 июня.